

автору следовало более четко и пространно изложить свои взгляды на франко-канадскую проблему. Это представляется тем более нужным, что в советской литературе глубоких исследований этого важнейшего аспекта канадской политической жизни нет.

Советского читателя, естественно, особенно заинтересует раздел «Славянские группы Канады» (А. Н. Шлепаков), в котором дается достаточно ясное представление об истории и современном положении русских, украинцев, поляков и других групп славян в Канаде. Упрекнуть автора можно, пожалуй, в том, что он почти ничего не рассказал о дружественных культурных связях канадских славян со славянскими народами, особенно с украинцами СССР и других социалистических стран. Эти связи довольно широки (с СССР, например, в виде обмена делегациями через «Ассоциацию Канада — СССР», «Общество СССР — Канада» и др.). Такой рассказ был бы особенно уместен потому, что в книге упоминается об антисоветских, клеветнических акциях реакционных кругов славянской иммиграции в Канаде.

Монографию закрывает раздел «Иммиграция в Канаду после второй мировой войны (1945 — 1965 гг.)» (Л. Н. Фурсова). Раздел отличается обстоятельностью и широкой постановки темы. В нем анализируются причины и предпосылки послевоенной иммиграции, характеризуются иммиграционная политика канадского правительства, этнический и социальный состав послевоенных иммигрантов, современные этнические процессы и др. Автор убедительно показывает, что иммиграция, а также этнические и национальные процессы продолжают играть очень важную роль в развитии Канады. Вместе с тем указано на сложность и противоречивость этих процессов. Тенденция к ассимиляции пришлого населения господствующей англо-канадской нацией уживается с противоположной тенденцией к усилению обособленности национальных групп. Последнее, как справедливо считает автор, является реакцией национальных меньшинств на англосаксонский шовинизм, квебекский сепаратизм и дискриминацию иностранцев.

Рассматриваемая глава, заметно дополняя содержание других разделов, позволяет не только ответить на поставленные выше вопросы, но и понять общие экономические и политические проблемы Канады, ее взаимоотношения с США и Великобританией, определить возможные пути развития страны.

Научная и политическая значимость книги велика не только с точки зрения познания национальных проблем Канады, но и в более общем плане. На примере этой страны видно антагонистическое сосуществование развитых наций в капиталистическом мире. Канадский пример развенчивает апологетические буржуазные этнографические теории (например, известную американскую концепцию так называемого «плавильного котла»). На том же примере вскрывается колониаторская политика и практика по отношению к коренным народностям; материалы рецензируемой книги позволяют сделать вывод о появлении на современном этапе новых, гибких форм этой политики. Анализ национальных проблем Канады подчеркивает то положение, что национально-освободительное движение рождается не только в колониальных и зависимых, но и в высокоразвитых капиталистических странах.

Показ неспособности капитализма решить национальные проблемы представляет особенно актуальным на фоне 50-летия образования СССР, свидетельствующего о величайшей победе ленинской национальной политики, победе идей пролетарского интернационализма.

В этой связи хочется сказать, что, может быть, авторы и редактор недооценили свою книгу, оформив ее как сборник статей. Рецензируемая работа по содержанию представляет собой целостную монографию и ее надо было оформить соответствующим образом. Имена авторов следовало бы вынести на титульный лист, главам предпослать обстоятельное введение, в котором говорилось бы об основных целях и задачах работы, а также определялась бы ее значимость. Строго монографическая форма книги, вероятно, способствовала бы и большей увязке содержания и структуры отдельных разделов и избавила бы от присущей некоторым из них фрагментарности.

Но это уже пожелания, а не оценка сделанного. Книга «Национальные проблемы Канады» — весомый вклад в советскую научную литературу по Канаде и хорошее начало в серии работ по национальным проблемам стран Северной и Латинской Америки, которая задумана в Институте этнографии АН СССР.

Г. А. Агранат

ДВЕ КНИГИ МАЙКЛА КО

Michael D. Coe. 1) *America's first civilization*. N. Y., 1968; 2) *The archeological sequence at San Lorenzo Tenochtitlan, Veracruz, Mexico*, Milwaukee, 1969.

Первая из рассматриваемых работ — обзор цивилизации ольмеков. Написанная красочным языком и богато иллюстрированная, эта книга предназначена для широкого читателя, и в то же время она имеет большую научную ценность, содержит ряд важ-

ных положений. Во второй работе — докладе в Обществе американской археологии — несколько дополняются и уточняются взгляды автора на ольмекскую культуру (в рецензии ссылки без оговорок даны на первую работу).

Автор детально излагает историю земледелия в Мексике с самых ранних времен. Судя по анализу пыльцы, дикий предок кукурузы был распространен в долине Мехико уже 80 тыс. лет назад. Из этого, по-видимому, следует, что могло быть несколько независимых центров выведения культурной кукурузы, хотя определенные сорта имели локальное происхождение. Возникновение земледелия прослежено на материалах раскопок Р. Мак-Нейша в долине Техуакан. До отступления ледника (около 6500 г. до н. э.) здесь была степная растительность, а жившие в пещерах индейцы охотились сообща на зайцев и антилоп, в одиночку — на крыс и гоферов (мешотчатая крыса), а также собирали дикие растения (фаза Ахуэрадо). В следующую фазу (Эль-Риго, 6500—5000 лет до н. э.) антилопы и зайцы ушли вслед за отступавшим ледником, долина приобрела современный полупустынный облик, и индейцы перешли в основном на собирательство. Растительной пищи было много, но в определенный сезон (дожди шли только два месяца) и в некоторых местах долины. Уже в эту фазу индейцы начали сеять бутылочную тыкву, а затем перец и хлопчатник (из-за маслянистых семян). В дальнейшем к культурным растениям прибавляется кукуруза (фаза Кошкатлан, 5000—3500 лет до н. э.), новый сорт тыкв, бобы (фаза Абехас, 3500—2300 лет до н. э.). Переход к земледелию привел к развитию оседлости. Появляются селения с маленькими круглыми хижинами, а в области ремесла — обожженная керамика (фаза Пуррон, 2300—1500 лет до н. э.).

Таким образом, к земледелию первыми стали переходить племена, оказавшиеся в невыгодных для охоты местностях и лишенные возможности покинуть их (так как все племена охраняли свои охотничьи территории). Майкл Д. Ко подчеркивает роль невольной селекции при появлении новых сортов кукурузы и других культурных растений: при сборе собиратели уносили с собой семена, державшиеся крепче обычных. Такие семена могли дать начало новым сортам. Примерно 2000—1500 лет до н. э. возделывание кукурузы распространилось в долинах рек в качестве дополнения к собирательству. Однако и появление культурной кукурузы существенно не изменило племенного хозяйства: урожаи были очень низкими, а сеять можно было только на берегах рек. Поэтому часть года приходилось заниматься собирательством диких растений и покидать селения. Автор отмечает, что прибрежные жители были в более выгодных условиях для перехода к оседлости, имея пищевые ресурсы (рыба, моллюски, черепахи) поблизости от селений.

В период примерно от 1500 г. до н. э. до 200 г. н. э. племена большей части Мексики и Центральной Америки занимались оседлым земледелием, дополняемым охотой, рыбной ловлей и собирательством. Однако постепенная «твердая эволюция» их культур была нарушена (как не без удовольствия замечает автор) появлением цивилизации ольмекков. Возражения против эволюционистской абстрактной схемы развития, конечно, правильны. Неравномерность развития имела место во все эпохи. В силу сложившихся конкретных условий отдельные племена раньше других переходили к охоте на мелких животных и к земледелию. Очевидно, предки ольмекков попали в особые тяжелые условия, в которых собирательство и охота не давали достаточного минимума пищевых ресурсов. В результате резко возросла роль земледелия и кукуруза стала основным источником питания. Ольмеки довели земледелие до очень высокого уровня. Урожай стал давать не только необходимую пищу, но и большой излишек, что открывало возможности для ускорения социального развития.

Майкл Д. Ко полагает, что ближайшие предки ольмекков обитали в горах Тустла (на побережье Мексиканского залива), откуда в дальнейшем, по определению геологов, в ольмекские города доставляли вулканический базальт. Однако места предполагаемых поселений в этих горах скрыты под лавой и пеплом.

Автор лично руководил раскопками одного из древнейших ольмекских городов — Сан-Лоренсо — Теночтитлан. Помимо раскопок экспедиция провела этнографическое обследование современного сельского населения и аэрофотосъемку местности. По данным радиоуглеродного анализа, местность была заселена около 1300 г. до н. э. земледельцами, знавшими керамику. Около 1200 г. до н. э. здесь появились ольмеки, по-видимому, двинувшиеся вверх по течению р. Коацакоалкос. У них была уже высокая техника земледелия, ремесла и строительства. В Сан-Лоренсо — Теночтитлан строительство велось с большим размахом. Здания строились на громадных насыпях, чтобы избежать затопления в сезон дождей. Была сооружена серия искусственных водоемов шестиугольной формы и, по-видимому, связанных с ними «водопровод» из базальтовых деталей. Назначение их не установлено. Можно, однако, отметить, что майя при обрядах пользовались только «священной» дождевой водой, скопившейся в углублении скал или в дуплах деревьев. Шестиугольная форма водоемов может быть, конечно, чисто случайной, однако следует отметить, что число шесть у ольмекков было священным. Оно было связано с количеством месяцев в полугодях лунного календаря, долго сохранявшегося в виде реликта у майя. Например, в знаменитом «жертвоприношении № 4» (Ла-Вента) фигурирует шесть нефритовых топоров, а на стеле 3 (Ла-Вента) — шесть «летающих карликов» — вероятно, покровителей месяцев.

Город погиб около 900 г. до н. э. при весьма неясных обстоятельствах. У статуй были отбиты головы, другие каменные изваяния были разбиты на куски, на гигант-

ских каменных головах появились выбоины. По характеру повреждений Майкл Д. Ко полагает, что на изваяния сбрасывали с высоты другие каменные монументы, поднятые с помощью специальных треног из бревен. После этого все изваяния вместе с нефритовыми жертвенными топорами и прочим драгоценным инвентарем были зарыты. Появилось несколько гипотез, объясняющих гибель города.

Майкл Д. Ко вначале предположил, что памятники были разрушены восставшими местными жителями, которые таким образом мстили знати за угнетение, а зарыли их потому, что продолжали испытывать страх перед ними. Сходным образом Дж. Э. Томпсон объяснял повреждения памятников в погибших городах майя. В докладе «Обществу американской археологии» Майкл Д. Ко связал разрушение памятников с появлением пришельцев без высокой культуры (возможно, из Чиасапа), хижины которых на территории города относятся к следующей фазе Накасте (900 — 700 лет до н. э.). Хотя очень трудно сказать что-либо определенное, в данном случае следует уточнить саму постановку вопроса, тем более что разрушение памятников не раз встречается и в позднейшие эпохи.

Что подвластные городу общинники подвергались тяжелому угнетению, не вызывает сомнений. Они должны были не только содержать населявших город знать, жрецов, ремесленников и воинов, но и заниматься гигантскими строительными работами. Ремесленники должны были не только изготавливать изделия для продажи, но и, например, вытесывать базальтовые детали для «водопровода». Однако волнения из-за привлечения на строительные работы могли иметь место во время самих работ, а не по окончании их. Далее, в случае успеха вожди восставших просто захватили бы власть в городе (что не раз бывало на Древнем Востоке), но это, конечно, не привело бы к гибели самого города. Тезис о гибели культуры в результате внутреннего восстания («революции») восходит не столько к историческим прецедентам, сколько к философским трудам Герберта Спенсера.

Городские власти, очевидно, нуждались в рабах, а их главным источником был захват военнопленных. Поэтому военные набеги на соседние племена, вероятно, бывали часто. В принципе племена могли в конце концов объединиться и разрушить вражеский город, причем по ходу военных действий на их сторону могли переходить рабы и данники. Однако представляется очень сомнительным, чтобы военный отряд враждебных племен стал заниматься таким разрушением памятников, какое описано, да еще не разграбив драгоценностей. Презрение вполне можно было выразить и не столь трудоемким способом.

Город мог быть разрушен войсками другого города-государства, например той же Ла-Венты. Каждый крупный город, естественно, стремился к гегемонии, хотя бы для того, чтобы увеличить количество данников, не говоря уже о торговых интересах. Сан-Лоренсо, по карте самого автора (стр. 102) перегораживал торговый путь на юг, к тихоокеанскому берегу, откуда доставляли различные ценные товары, в том числе и нефрит (ценившийся так же, как золото в Старом Свете). Поэтому Сан-Лоренсо должен был либо сам стать гегемоном, либо быть разрушенным. В этом случае победители были заинтересованы именно в разрушении города как в торговых интересах, так и для того, чтобы оставить за собой данников.

Судя по некоторым деталям, изваяния подверглись чуть ли не суду. Если на них действительно сбрасывали с высоты другие каменные монументы, то это напоминает один из способов казни у майя, когда преступнику бросали на голову камень с высоты. Возможно, изваяния были по всей форме «казнены» и «погребены» вместе с инвентарем, на который был наложен понятный в этом случае запрет. Такое разрушение памятников должно было вестись под руководством жрецов специальным дисциплинированным военным отрядом. Военный отряд вполне мог заставить данников, теперь подвластных ему, выполнить трудоемкие работы по «погребению» памятников. Отметим, что например, в Ла-Венте есть победные памятники (алтарь I: пратиль с пленниками на веревке).

Статуя умершего могла рассматриваться как вместилище души, а разбивание статуи — как лишение ее пристанища или замена человеческого жертвоприношения (так толкует Альберто Рус отбитые головы статуй, найденные в саркофаге в Паленке).

Разрушение статуй и храмов могло рассматриваться не как святотатство, а как способ лишения противника милости божеств. У майя разрушение вражеских храмов прямо предписывалось во время военного похода. Согласно Мадридской рукописи (стр. 84 — 87), сам бог войны прежде всего поджигает храм.

Возможно, вся церемония с разбиванием и погребением изваяний знаменовала для ольмекской знати превращение города в зачатое место. Создается впечатление, что разрушением Сан-Лоренсо занимались сами ольмеки со свойственными им обстоятельностью и широким размахом работ.

Другой древний ольмекский город, Ла-Вента, первоначально находился на речном острове (впоследствии р. Тонала изменила русло) возможно, в оборонительных целях. Ольмеки появились здесь около 1100 г. до н. э. и построили крупный храмовый центр. Строительные работы, как и в Сан-Лоренсо, поражают широким размахом, тем более что камень и даже цветную глину приходилось привозить. Базальтовые глыбы весом до 60 т доставляли из гор Тустла к р. Коацакоалкос, а затем везли на плотах вдоль берега залива до устья р. Тонала и дальше к Ла-Венте. Из сооружений в Ла-Венте особый интерес представляет большая «пирамида» из глины, имитирую-

щая вулканический конус с характерными складками на склонах. Это обстоятельство, как указывает автор, также подтверждает предположение о приходе ольмеков с вулканических гор Тустла. «Пирамида», конечно, не просто имитировала одну из гор прежней родины, а имела важное культовое значение. На первых порах в ранних городах-государствах божества еще во многом сохраняли характер «духов-хозяев», а ритуал состоял главным образом из магических по смыслу обрядов, выполнявшихся, однако, в грандиозных масштабах. Громадные успехи во всех областях привели к уверенности в правильности господствовавших тогда жреческих учений о возможности воздействовать на силы природы через соответствующих богов, если только магический обряд будет правильно выполнен. А действительность обряда связывалась с солидностью масштабов. Например, если магический обряд следовало выполнить поближе к небу, а горы под рукой не было, то требовалось не какое-нибудь возвышение, а именно что-то вроде настоящей горы, как «пирамида» в Ла-Венте. Правители и жрецы молодого государства рассчитывали с помощью таких грандиозных приспособлений управлять стихиями и, естественно, не жалели никаких средств для этого. Широкое участие общинников в таких работах вряд ли было результатом только принуждения. Они, вероятно, вполне верили жрецам (которые использовали и научные знания, например, связанные с календарем) и также стремились возможно скорее достичь власти над силами природы. Многие находки в Ла-Венте, хотя и называются жертвоприношениями (offerings), фактически связаны с забытыми магическими обрядами, поражающими размахом и кажущейся бессмысленностью: например, масса блоков из привозного серпентина, засыпанных в глубокой яме, мозаичные маски «ягуара-оборотня», также засыпанные вскоре после окончания обряда слоем глины, на которой выложено крестообразно 20 нефритовых и серпентиновых топоров и гематитовые вогнутые зеркала.

В дальнейшем выяснилось, что реальной силы магические обряды не приобретают и при больших масштабах. Появились новые учения жрецов (связанные, конечно, и с политическими интересами) о великих богах с неисповедимой волей, которых нельзя вынудить, а можно только умолять. Магические обряды стали уступать место умилюстивительному культу с различными жертвоприношениями и молитвами.

Религиозно-политическая борьба, вероятно, сыграла важную роль в борьбе народов за гегемонию и, возможно, была одной из причин оставления древних ольмекских священных центров (Ла-Вента был покинут около 400 г. до н. э.).

По-видимому, автор склонен несколько преувеличивать влияние ольмеков (например, на Монте-Альбан). В ряде случаев это влияние могло идти через посредников, особенно учитывая далекие торговые связи ольмеков. В целом же книга дает ясное и красочное описание древнейшей цивилизации Мексики и истории ее изучения.

Ю. В. Кнорозов

НАРОДЫ АФРИКИ

A. Harwood. Witchcraft, sorcery, and social categories among the Safwa. Published for the International African institute by the Oxford university press. London, 1970, 160 p.

Общезвестно, что у многих народов Африки, и, в частности, у народов, говорящих на языках семьи банту, к которым относятся и сафва, представления о заболевании и смерти по большей части связываются с действиями неких магических сил. Их носителями могут быть души предков, люди, обладающие такой силой от рождения или получившие ее в результате обучения. Не ответив на вопросы, какую роль магические представления играли на разных этапах развития человеческого общества, как соотносились они с общественной структурой, невозможно показать в достаточно полном объеме жизнь доклассового и раннеклассового общества. Сейчас на земном шаре остается все меньше и меньше мест, где бы существовала и активно действовала система представлений о магическом и сверхъестественном. Ее приходится восстанавливать на основании фрагментарных сведений. Уже с этой точки зрения работа А. Харвуда, построенная на большом фактическом материале, несомненно интересна.

А. Харвуд прожил около полтора лет (1962—1964 гг.) среди сафва, заслужил симпатии местных жителей пониманием и уважением обычаев, знанием языка, вошел в тесный контакт с ними. Это и позволило ему наблюдать жизнь общества как бы изнутри.